современный германский народный обычай посвящения Одину последнего снопа [3, т. 2, с. 326] иллюстрируют его глубинную связь с темой плодородия.

Рассматриваемый мотив играет определяющую роль и при появлении рода Сигурда. Специального упоминания заслуживает легенда о рождении деда Сигурда Вёльсунга, давшего имя целому роду, после того как Один послал к его отцу Рериру валькирию с оплодотворяющим яблоком. Особое отношение рода Вёльсунгов к теме плодородия подкрепляется комплексом доказательств, ср. прообраз мирового древа barnstokkr 'детоносный ствол', отождествляемый в Vls. с яблоней, в их палате, инцест Сигмунда и Сигню, ритуальное почитание фаллоса — vǫlsi, зафиксированное в Vǫlsaþáttr.

2. Связь с нижним миром, загробным царством.— Один — повелитель «палаты павших» (Val-hǫll), на что и указывает его имя — Val-fǫðr 'Отец павших'.

Связь Сигурда с нижним миром имплицитно выражена в предании о том, что его вскормила собака, традиционно считающаяся хтоническим существом (þrs., с. 140—142).

3. Магическая сила, высшее знание.— Этот мотив отражен в мифе о самозаклании Одина ради познания рун (Hár. 134—141), а также в мифе о добывании Одином меда поэзии, символизирующем поэтическое вдохновение.

В Vls. повествуется о том, что «Сигурд стал умнее всех людей» (с. 20), отведав крови дракона и научившись различать голоса птиц. Ему не чужд был дар провидения: hann var vitr maðr, svá at hann visse fyrir uordna lute (Vls., с. 23).

4. Одиночество, изгнание.— Этот мотив воплощается в скандинавских представлениях об Одине как одиноком страннике.

Одиночество Сигурда, его оторванность от родных и близких находят выражение в самом эпизоде его рождения (þrs., с. 140): мать Сигурда несправедливо обвиняется в измене, изгоняется в лес, где и появляется на свет Сигурд, которому грозила бы гибель, если бы его не вскормила вместе со своими детенышами собака. В «Песне о Роговом Зейфриде» главный герой изгоняется из дома за дикий нрав.

Мотив одиночества сопутствует Сигурду на протяжении всей его жизни, например, он приходит в Вормс о д и н (Nib. 99,1: da der helt a l e i n e an alle helfe reit) и воспринимается окружающими как чужестранец. Для характеристики Сигурда используется лексика, служащая для обозначения лиц, лишенных социального статуса: в частности, в нн. 6 он назван varga vinr 'друг волка (преступника)'. Отсутствие рода-племени обнаруживается в наиболее опасной для Сигурда ситуации, при убийстве Фафнира, где он вынужден признаться: Gǫfuct dýr ec heiti, enn ec gengit hefc / inn móðurlausi mǫgr, / fǫður ec ácca, sem fira synir, / geng ec æ e i n n saman «Стройным зверем я зовусь, был я всегда сыном без матери; отца у меня нет, как у других людей, я постоянно о д и н о к» (Fm. 2). В процитированном отрывке, восходящем к южногерманской версии сказания о воспитании Сигурда без матери и отца, по-видимому, проявляются архаичные архетипические черты этого персонажа. Это предположение поддерживается словами умирающего Фафнира, обращенными к Сигурду,— согласно древнегерманским мифопоэтическим представлениям умирающему открывается дар видеть прошлое и будущее: Enn þetta er meire furda, er einn b a n d i n g i h e r t e k i n n skal þorat hafa at vega mer «И это еще большее диво, что у з н и к, в з я т ы й в п л е н, отважился сразиться со мной» (Vls. с. 18),— и оправдание последнего: Bregdr þu mer, at ek vera fiarre minum frendum. En þott ek vera hernuminn, þa var ek þo eigi heptr, ok ak fanntu, at ek var laus «Ты меня упрекаешь, что я вдали от моих родичей, и хотя я захвачен в битве, но я не пленен, и ты видишь меня свободным».